

ОТ ИЛЛЮЗОРНОГО К ИЛЛЮЗОРНЕЙШЕМУ

Появление книги по этике ныне такая редкость, что публикацию С.В. Моложановой "Гуманизм: К новой системе ценностей" можно считать знаменательным событием. Она не только посвящена одной из ключевых проблем, но, главное, в ней представлены воззрения и идеи, демонстрирующие кардинальный, коренной переворот в нравственно-моральном сознании "современных" личностей и их идеологов. Последние безапелляционно сметают с пьедесталов предшествующие общественные авторитеты. Считается, что социально-историческая практика уже дала возможность для полного опровержения марксистского учения. Теоретической доктрине "реального гуманизма" не помогут никакие лекарства. Она уже сдана в архив исторических курьезов.

Столь жесткая критика не может не насторожить. Появление очередного претендента на обладание благодетельствующими истинами не может быть оставлено без внимания. Ведь предметом дискуссии предполагается проблема гуманизма – процесс очеловечивания людей.

Отрицание старой коммунистической (диалектико-материалистической) и утверждение новой индивидуалистической (субъективно-идеалистической) системы ценностей естественным и логическим образом выводит автора исследования, якобы, на сущностное понимание гуманизма. В отличие от гуманитарного подхода, изыскивающего условия развития личностей, обеспечивающих жизнеспособность человеческого рода, гуманизм "утверждает абсолютную ценность отдельной человеческой личности относительно ценности каких бы то ни было общностей (класса, нации, государства) и полагает благо индивида критерием оценки деятельности всех социальных институтов общества" [1, с. 8]. Словом, анализируются субъективно-идеалистические представления о гуманизме эгоцентриста, считающего, что природа, общество, мышление – все существующее бытует посредством его и ради него. Поэтому-то индивидуализм выступает исходной методологической посылкой для модели гуманизма, определяющего движение мыслей и идей, защищающих благо индивида, в направлении "от индивида к обществу, отчасти к целому, от элемента к системе" [1, с. 8-9]. В этом же и причина опровержения системы ценностей коллективизма якобы предполагающего движение аналитической мысли в обратном направлении: от общества к индивиду, от целого к части, от системы к элементу" [1, с. 9]. Под коллективизмом автор подразумевает социалистическое общество, ибо тут же уточняет, что "социализм не доказал своих преимуществ как гуманизм" именно по причине, что "не справился с задачей защиты индивида". При социализме, якобы, "интересы государства всегда были важнее интересов тех, кто это государство составляет, что противоречит природе гуманизма" [1, с. 10]. Теперь читателям должно стать понятно, что проблема гуманизма решается в исследовании на основе противопоставления систем ценностей социализма и капитализма.

Поскольку превосходство социалистического гуманизма уже доказано теоретически и подтверждено социальной практикой, нам нет необходимости по этому вопросу вступать в дискуссии. Не дело рецензента вступать и в идеологический или теоретический спор с автором книги (хотя без этого совсем обойтись не удастся). Излагая же критически позицию автора книги, следует выявить методологические и мировоззренческие изъяны предлагаемой концепции гуманизма индивидуализма.

Прежде всего, отметим неправомочность методологической позиции, предусматривающей отрыв гуманитарного подхода от гуманистического [1, с. 8]. Явно не гуманистической будет позиция индивида, который не проявлял бы заботы об общественной пользе. Такой индивид был бы не благодетельным, а зловерным, порочным, аморальным. Словом, методологическая слабость морально-нравственной позиции индивидуализма проявилась уже при обосновании направления исследования и обусловила во многом дальнейшие недостатки. Таковые проявились, например, при анализе созидательной силы современного общества эпохи научно-технической революции. Моложанова правильно указывает, что роль носителя прогресса в развитии переходит к научно-технической интеллигенции, которая в своей деятельности и олицетворяет это новое качество [1, с. 68]. Однако она, в силу мировоззренческой слепоты и методологической слабости позиции, не может видеть, что именно на этот слой интеллигенции выпадает в наибольшей мере доля быть носителем "универсальных страданий" и являть собой "полную утрату человека", наряду с непосредственным исполнителем – рабочим, совместно с которым они и производят прибавочный продукт, находящийся в распоряжении и во власти класса капиталистов. Общественные отношения при капитализме не утрачивают своего сущностного характера, хотя производительные силы постоянно исторически совершенствуются, вызывая изменения в образе жизни (но не способе существования) всех слоев и классов.

Если вернуться к рассматриваемой проблеме, то важен момент, когда автор утверждает, что новый характер гуманизма теперь обусловлен тем, что индивид "становится источником, автором, творцом группы", чем и достигается "власть индивида над своими социальными отношениями" [1, с. 89]. Эта власть, согласно всем иллюзиям капитализированных личностей, проявляется благодаря институту частной собственности. И Моложанова склоняется к тому, что гуманизм тесно связан с частной собственностью, благодаря которой расширяется сфера самореализации индивида, расширяются возможности выбора, через который индивид и реализует себя как свободное существо [1, с. 89]. Присвоение частной собственности рассматривается как обогащение индивида. Отсюда и очередная методологическая ошибка при утверждении, что движение "от богатого индивида к богатому обществу – делает таким абсолютным условием благо индивида" [1, с. 90]. Получается, что процесс распределения – присвоения в частную собственность общественного богатства – и есть акт обогащения индивида. Факт персонификации благ выдается за гуманистический акт социального освобождения личностей. Словом, забывается общеизвестное, что при частнособственническом распределении культурных ценностей само богатство и благополучие создают бедность и обездоленность. Так проблема гуманизма приобретает свой социально-классовый характер, что идеологически связано с мировоззренческими устоями.

Философский аспект становится центром внимания автора во второй главе "Коллективизм как высшая стадия развития индивидуализма". Автор переводит анализ гуманизма в плоскость защиты "автономного" индивида, который "представляет самого себя – свои поступки, свою волю, свое решение" [1, с. 94]. Обоим индивидуальности обусловило становление индивидуализма как мировоззрения. Для индивидуализма автономия индивида образует тот эпицентр, которым и определяется якобы гуманистическое содержание социального бытия. И тогда индивид видится самодостаточным субъектом, цельной личностью, ни от чего кроме себя независимой причиной (самопричиной). Субъект представляется творцом собственной судьбы, автором своих решений и поступков, совершаемых по своей свободной воле. Демонстрируется субъективный идеализм экзистенциалистов. Ведь если в классической философии у Канта субъект, основываясь на доброй воле, утверждал требования категорического императива, чем и обуславливался гуманистический принцип равенства всех людей, то экзистенциалисты основывают поведение индивида на свободной воле (на своеобразии), чем и обуславливается движение мысли в направлении этического солипсизма и антигуманизма. Именно подобная позиция проявляется в заявлении автора, что человек сам определенным образом организует свои отношения с миром, который представляется совокупностью орудий и средств, пригодных для осуществления его задачи. То же, что это – солипсизм субъективного идеалиста, закреплено позицией – "Единство "я", т.е. единство "я" со своим назначением обуславливает единство мира" [1, с. 101]. То же, что это позиция этического солипсизма, подтверждается согласием с мыслью, что в основе человеческого бытия лежит стремление к индивидуальной свободе, которая позволяет увидеть главными побудительными силами индивидуального развития автономного индивида само-развитие, само-движение, само-совершенствование, как и трактовка активности индивида, исходя из понимания свободы выбора как само-детерминации [1, с. 102-105]. Солипсизм проявляется в требовании невмешательства в частную жизнь личности, основанной на частной собственности, защищаемой экономически и политически государством, а юридически правами человека. Солипсизм хочет остаться человеком, существуя без признания обще-

ственных моральных норм и нравственных правил. Он не хочет быть только человеком среди людей, социально равным со всеми в общежитных, общечеловеческих устоях. Индивидуалист, отрицающий общечеловеческое, – явный антигуманист. И если бы кто-нибудь попытался признать высшей ценностью, допустим, интересы социалистической личности, отрицающей общечеловеческие, то стал антигуманистом, каковыми являются буржуазные индивидуалисты.

Конечно, индивидуальностью можно быть только в коллективе. Последний институт и возник в культуре как объединение определенным образом развитых (подготовленных) индивидов в единую силу для решения конкретной производственной или творческой задачи. И если автор замечает, что европейская философия развивалась в русле индивидуализма и “всегда имела дело с человеком как свободным и автономным существом”, то этим только констатируется, что она имела дело с человеком как духовным существом, что ее не интересовали социальные (межличностные) связи [1, с. 123]. Только в границах идеалистической философии может быть обосновано положение о том, что индивид через свободный выбор на основе собственной иерархии ценностей создает коллектив, что “истинный коллективизм – это индивидуализм”, что “коллективизм есть высшая стадия развития индивидуализма”, что “индивидуализм есть истинное обоснование подлинного коллективизма” [1, с. 124]. Казалось бы, простое и ясное, с точки зрения современного материализма, понимание того, что коллективизм является первопричиной для развития индивидуальностей только в силу возникновения потребности решать сложные и непосильные даже гениальному и властно могущественному особому индивиду, могло бы удовлетворить и приверженцев индивидуализма. Однако они не случайно настаивали на понятии “истинного коллективизма”. Оказывается, созданный свободным решением составляющих его членов коллектив и “есть то целое, которое уже не может быть больше своей части” [1, с. 124]. Оказывается, сама логика рассуждений нового гуманизма, основанного на понимании индивида всечеловеческой ценностью, вступает в противоречие с суждениями “нашего прежнего миропонимания”. Если индивид является первым и главным условием существования человечества, согласно логике индивидуалистического гуманизма, то логика подсказывает, что в этом случае часть больше целого, ибо “группа становится частным случаем индивида”, “целым оказывается индивид, а группа – его частью”. Такая абсурдная логика, по признанию самого автора, наиболее адекватно отражает суть гуманизма, коренной принцип которого – “все (без исключения) ради человека, все – во имя его блага, все соотносено с ним и подчинено ему” [1, с. 126].

Абсурд проявляется в требовании “индивидуалистического понимания истории” и, наконец, в требовании “пересмотра методологических обоснований гуманизма” [1, с. 131]. Категорически обособляя индивида от общества, Моложанова приходит к выводу, что благо общества и благо индивида – разные для гуманизма задачи. отождествлять гуманизм с совершенствованием социальных условий, с созданием богатого общества (общественных богатств) – слишком простое и искаженное его понимание. Универсальная установка гуманизма – блага индивида, задача – защита индивидуальных прав. Абсурдная методология принуждает утверждать, что общество может быть богатым, а его граждане оставаться бедными, но вполне допускает возможность существования богатых индивидов (богатеев) в бедствующем обществе. Так защищаются индивидуалистическим гуманизмом права человека, обособившегося от социума [1, с. 133]. Асоциальный человек – антигуманен, а гуманизм индивидуалиста – асоциален.

Через требования частного, определенного типа индивидуалистического гуманизма Моложанова предпринимает попытку создать такую универсальную

систему ценностей, которая позволяла бы преодолевать “разрыв между историей народов и историей человека”. Построив же свое исследование на методологии отрицания, преодоления теоретических посылок, социальных ценностей, моральных правил выдуманного ею противника, она созидает, как ей представляется, некую особую, “новую систему ценностей” со свойствами, положениями, понятиями, как бы выворачивающими наизнанку некую старую. На место идеологии подставляется требование культуры, на место формационного подхода к истории – цивилизационного, на место идеалов начинают претендовать интересы, история заменяется биографиями... Видится, что разворот в системе ценностей “от группы – к индивиду, от общего к – частному, от коллективизма – к индивидуализму” позволит построить систему из требований, удовлетворяющих обособленного от социума индивида [1, с. 133]. Только ведь, если следовать той же логике, и гуманизм следует заменить на противоположное явление – на антигуманизм. Тогда, согласно принятой методологии, получится действительно все шиворот-навыворот.

Еще с древности уразумели, если становишься причиной, начинаешь изменять отношения, значит, творишь добро и зло. Хочешь созидать – научись различать доброе и злое, ибо нельзя творить в реальности однополюсное. Моложанова же предполагает создать систему ценностей только с положительными свойствами. Подобная система в антагонистическом обществе невозможна. Обязательно произойдет подмена реального гуманизма иллюзорнейшим.

Н.Г. ЧЕШОКОВ